

*Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com;
Страница группы Вконтакте http://vk.com/library_foliant*

КОРОЛЬ ОПЕРЕТТ ФРАНЦ ЛЕГАР: ПОДВОДЯ ИТОГИ

Литературное расследование жизни и творчества венского композитора в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК в связи с 65-летием со дня смерти

Прошло 65 лет со дня смерти знаменитого венского композитора **Франца (Ференца) Легара** (30.04.1870 -24.10.1948). Его оперетты, а их Легар написал более двадцати, давно стали мировой классикой и неоднократно экранизировались в разных странах. Арии из них занимают достойное место в репертуаре лучших певцов и певиц мира - **Монтсеррат Кабалье, Лучано Паваротти, Пласидо Доминго** и многих других.

Оперетты Легара - яркие, нешаблонные, искренние - совершенно не соответствовали нацистским стандартам - в них участвовали евреи («*Лудильщик*»), цыгане («*Цыганская любовь*», «*Фраскита*»), русские («*Кукушка*», «*Царевич*»), китайцы («*Жёлтая кофта*», «*Страна улыбок*»), французы («*Весёлая вдова*», «*Весна в Париже*», «*Кло-Кло*»), поляки («*Голубая мазурка*»).

А еще ему стоило невероятных трудов спасти от репрессий свою жену-еврейку. Благодаря огромной популярности его музыки композитору удалось защитить **Софи**, ей был предоставлен статус «*почётной арийки*». Друзья Легара и либреттисты **Фриц Грюнбаум** и **Фриц Лёнер** погибли в концлагерях, а многие, включая оперного певца **Рихарда Таубера**, были вынуждены эмигрировать.

Сам Легар не пострадал, но его оперетты шли в оккупированной нацистами Европе в сильно переделанном виде. Некоторые нацистские лидеры высоко ценили его музыку, а брат **Геринга Альберт** лично ему покровительствовал. В 1940-м году Легар даже получил ряд новых наград и почестей к своему 70-летию, а 75-летие в 1945 году встретил в обществе американских солдат, просивших у него автографы.

Давайте вместе с читателями библиотеки «**Фолиант**» МБУК ТБК и членами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** почитаем книги о Легаре, посмотрим отрывки из телефильма «*Мой Франц Легар*», послушаем «*Волжскую песню*» из оперетты «*Царевич*», арию «*Нежность. Я отдам тебе мое сердце*» из оперетты «*Джудитта*», отрывки арий из других оперетт («*Граф Люксембург*», «*Веселая вдова*», «*Цыганская любовь*») и из оперы «*Кукушка*». Чуть больше прикоснемся к биографии интересного человека, проведем свое небольшое литературное расследование и посмотрим, почему совесть Легара была неспокойна? Какая вина его мучила в последний год жизни? Что он в жизни сделал не так? Или, может быть, чего-то не сделал?

Итак...

Идеальная жена композитора

Франц Легар прожил со своей женой тридцать пять лет. Двадцать - до женитьбы, пока первый муж не дал **Софи** развода, и пятнадцать - после, с 1923-го до 1938 года. Старые друзья шутили: «*Легар женился для того, чтобы быть свободным*», и в этом была доля правды.

Софи оказалась идеальной женой, она вела дом, следила за его гардеробом, приглядывала за слугами и кухаркой, была с Францем нежна и не мешала ему жить. Может, она его и ревновала - кто знает? - но беспокойства от этого не было никакого, чувства Софи держала при себе.

Они жили вместе так долго, что София стала его привычкой, и он не думал, любит ее или нет. Ну да, любит, как же иначе - ведь они по-прежнему вместе... Они встретились, когда Легару было тридцать три, а недавно он отпраздновал свой шестьдесят восьмой

день рождения. Целая жизнь, за это время можно было бы возненавидеть друг друга - сколько таких пар он видел! Хорошо, что с ними этого не случилось!

Софи никогда его не пилила, мирилась с тем, что он порой вспыльчив и резок. Но для этого имелись причины... В двадцатые годы у него, всеми признанного короля оперетты, появились конкуренты, на сцену вышел **Имре Кальман** и отобрал у него театр «Ан дер Вин» - дирекция решила, что Легар несовременен и делает плохие сборы.

Говорили, что его музыка невесела, что в ней слышны трагические ноты, а то, что он порой пренебрегает счастливыми финалами, - самое настоящее безумие. В ту пору его списали в тираж, и «*Паганини*» в Берлине ставили без авторского гонорара - директор театра не сомневался в провале. А вместо провала случился успех, да такой, что с этого спектакля началась его новая слава...

Софи утешала, когда Франца захлестывало отчаяние, знала, как справиться с его вспышками ярости, давала советы, которые почти всегда оказывались дельными...

Тридцать пять лет назад

По пути домой, в замок Нусдорф, построенный в 1740 году и когда-то находившийся за городом, а теперь оказавшийся в самом сердце Вены, он вспоминал, как познакомился с Софи. Это было в Бад-Ишле, курортном городке, любимом австрийской знатью. Сейчас у него там прекрасная вилла, а в 1903 году он снимал в Бад-Ишле небольшую квартиру и жил в ней с матерью и сестрой.

В ту пору к нему только пришел первый успех: «*Венские женщины*» с аншлагами шли в театре «Ан дер Вин», его имя гремело в Вене. На одной из парковых аллей ему повстречалась большеглазая молодая дама с густыми рыжими волосами. Франц тогда был стройным, подтянутым, с лихими офицерскими усиками и темную пиджачную пару носил как мундир.

Собратья-офицеры научили его завязывать беседу с красивыми незнакомками:

- На небе - солнце, а на земле - вы, сударыня, и я не знаю, кто из вас прекраснее. Позвольте проводить Вас вон до той беседки и посидеть рядом несколько минут? Услышав «нет», я тут же отправлюсь домой, застрелюсь, и княгиня Меттерних не получит вальс, который она мне заказала... Ее бал будет испорчен, и виноваты в этом окажетесь Вы!

Рыжеволосая дама расхохоталась, он шел к беседке рядом с ней, нес веселый вздор и не представлял, что пустячный флирт окажется прелюдией к женитьбе и эта незнакомка станет женщиной всей его жизни...

Прекрасное время

В какое прекрасное время они тогда жили! Австрийская империя была огромной, мирной и богатой, Вена - космополитичной и веселой. До двух ужасных войн было еще далеко, а Франц был молод и с ним постоянно приключались забавные истории.

...Молодой и еще никому не известный, он зарабатывал на жизнь уроками музыки. Однажды в разговоре с друзьями музыкант сообщил, что ему очень и очень повезло: он дает уроки музыки своей квартирной хозяйке и за это получает бесплатный обед.

- И что, она обнаруживает дарование? - поинтересовался один из друзей.

- Безусловно, - ответил Франц. *- Особенно ей удаются пирожки.*

...Как-то раз Легару довелось дирижировать небольшим оркестром в одном провинциальном городе. Оркестр был плох. После первой же репетиции композитор без обиняков сказал местному дирижеру:

- Уважаемый маэстро, трубач и барабанищик в Вашем оркестре играют так громко, что я совершенно не слышу ни скрипок, ни виолончелей...

- Но как раз этого-то мы и добиваемся, - со вздохом отвечал дирижер.

- С какой целью? - от души удивился Легар.

- Ах, многоуважаемый господин Легар, лучше не спрашивайте...

- Но почему же?

- Потому что, как только Вы услышите наших скрипачей и виолончелистов, Вы сами это поймете...

.. В один из дней в гости к Легару зашел Имре Кальман. Уходя, Кальман по рассеянности надел пальто Легара. Развеселившийся хозяин остановил гостя.

- Дорогой Имре, - сказал он жизнерадостно, - ты можешь брать из моих оперетт любые мелодии, но мое единственное пальто, сделай милость, оставь мне...

Однажды молодой и склонный к плагиату композитор поделился с Легаром:

- Не знаю почему, но мне лучше всего работается ночью... В эту пору музыка дается мне так легко - мелодии будто сами рождаются в моей голове...

- Что ж, в этом нет ничего удивительного, мой дорогой, - добродушно отозвался Легар, - ведь общеизвестно, что ночь - самое подходящее время для грабежа...

...Рассказывали случай о том, как в Венском суде слушалось дело двух довольно известных композиторов, авторов модных песен и романсов. Каждый из них обвинял другого в том, что тот украл у него мелодию. Суд пригласил Франца Легара быть экспертом в этом вопросе. Когда знаменитый композитор ознакомился с рукописями спорщиков, судья с интересом спросил:

- Итак, господин эксперт, откройте нам, кто же все-таки оказался потерпевшим?

- Жак Оффенбах, Ваша честь! - ответил Легар.

Как-то со смехом Легар рассказывал и о таком эпизоде из своей жизни:

- Однажды мне пришлось дирижировать оркестром небольшого провинциального городка, где меня встречали как национального героя. Придя на репетицию, я с радостью увидел, что, сверх ожидания, оркестр хорошо укомплектован. Среди инструментов был даже тромбон!

Во время репетиции, однако, соло этого тромбона не прозвучало. Остановив оркестр, я спросил: «Уважаемый, почему Вас не слышно?» - «К сожалению, я не умею играть на тромбоне, - ответил музыкант. - Мне дали его только сегодня, чтобы наш оркестр произвел на Вас лучшее впечатление»

Кто бы мог подумать, что мир полетит ко всем чертям и прославленный композитор Франц Легар, чьи оперетты идут по всему миру, на старости лет окажется перед ужасным выбором?

Ужасное предложение

...Большой вишневый Rolls-Royce медленно ехал по Бургрингу. День выдался солнечным, и шофер поднял матерчатый верх машины. Прогуливающиеся по тротуарам венцы узнавали Легара и в знак приветствия приподнимали шляпы. Поседевший, располневший, с густыми, как у моржа, усами, он совсем не походил на стройного красавчика, давным-давно похитившего сердце рыжеволосой **Софи Пашкис**, в замужестве **Мет**.

Проходим Легар казался счастливым, избранником судьбы: от его «легариад» сходил с ума космополитичный Берлин, все они были экранизированы, из США к их автору рекой текли доллары. Никто не подозревал, что сердце счастливого Легара разрывается от отчаяния - он ехал от имперского наместника **Остмарка**, группенфюрера СС **Артура Зейсса-Инкварта**, который сделал ему ужасное предложение...

Несколько месяцев назад вермахт вошел в Австрию, республика была присоединена к Германии. Многие венцы приветствовали Гитлера, те, кто был против

него, затаились. До Легара доходили слухи об арестах, депортациях евреев, о том, что многие из его друзей исчезли без следа.

Рихард Таубер, его золотой голос, певец, много лет исполнявший главные партии в «легариадах», эмигрировал в США. Либреттисты **Фриц Грюнбаум** и **Фриц Ленер** попали в концлагерь...

Легар был слишком знаменит, чтобы беды коснулись его. «Легариады» шли в новой Германии и нравились фюреру, однажды его представили доктору **Геббельсу**, и тот наговорил композитору множество комплиментов. Францу казалось, что замок Нусдорф живет своей, отдельной жизнью и их семью не потревожат, но тут на горизонте замаячил Зейсс-Инкварт...

...Машина Легара въехала во внутренний двор замка и затормозила у парадного подъезда - парк с белками и огромным бассейном находился за домом. В Нусдорфе залы в 80-100 квадратных метров не редкость. И все они были заполнены антикварной мебелью, резными средневековыми сундуками, рыцарскими латами, шкапами с драгоценными, редкими книгами. В подвалах ждали своего часа сотни бутылок с таким же драгоценным вином.

Жена встретила его в малой гостиной и, как было у них заведено, поцеловав в щеку, спросила, почему он так мрачен. Франц ответил, что ему придется переделывать *«Цыганскую любовь»* - нацисты считают, что цыган необходимо истребить, им не место и на сцене. Теперь цыган станет студентом, и ему это не нравится, но он должен запомнить все, что по этому поводу сказал Зейсс-Инкварт.

- Обедай без меня, дорогая. Я закроюсь в кабинете и буду портить хорошую оперетту...

В кабинете он достал телефонную книжку и начал перелистывать ее в поисках нужной фамилии. Герцог **Саксен-Веймарский**... Нет, не то, нацисты не любят аристократов. Генерал вермахта **фон Ведель**, его поклонник и приятель. Можно попробовать, но надежда на успех мала - в такого рода делах генералы мало что решают.

Зейсс-Инкварт считает, что его оперетты больше не отвечают духу времени, ведь в них действуют люди низших национальностей - русские, французы, цыгане, поляки, китайцы и даже евреи. Ему дали на размышление три дня, поэтому надо спешить.

Легара никогда не волновало, что Софи - еврейка: старая империя отличалась терпимостью, в Вене и Будапеште процветала богатая самодовольная еврейская аристократия с графскими и баронскими титулами, поместьями, замками и старинными гербами. Но имперский комиссар сказал, что погубившей Австрийскую империю расслабленности пришел конец. Легар должен развестись, иначе запретят все его оперетты, а имущество конфискуют.

Трудный выбор

Но как он может развестись, если Софи защищает только его имя? После развода женщину, с которой он душа в душу прожил тридцать пять лет, тут же отправят в концлагерь...

За долгие годы они проросли друг в друга, и он не может ее предать. Франц листал телефонную книжку, и на смену отчаянию мало-помалу приходила безнадежность. Друзья, аристократы и издатели, знаменитые артисты и директора театров, банкиры и высокопоставленные военные, были людьми вчерашнего дня. В 1938 году они ничего не решали и ничем не могли ему помочь.

Что бы он сделал тогда, в тридцать три года, если бы начальник венской полиции вызвал его и сказал, что император Франц-Иосиф им недоволен и велит оставить Софи Мет, а не то у него отнимут квартиру и запретят все написанные им оперетты? Он раскланялся бы, попросил бы передать кайзеру почтительный поклон и уехал вместе с Софи в Берлин или Париж.

Сейчас ему шестьдесят восемь. Куда им бежать теперь? В Берлине - Гитлер, во Францию их не выпустят. Если он разведется с Софи, ее отправят в концлагерь. Если откажется, произойдет то же самое - и как бы вместе с ней там не оказался и он сам...

Кто может им помочь? Не позвонить ли **Круппу**? Его познакомили с оружейным магнатом на приеме по случаю берлинской премьеры оперетты *«Как чуден мир»*, и Крупп уверял, что будет рад оказаться полезным, дал свой номер... Да нет, ради случайного знакомого Крупп ничего делать не станет.

А старые друзья утратили влияние. Они принадлежат другому времени, многие из них эмигрировали...

Вверх по служебной лестнице

Легар отложил записную книжку и откинулся на спинку старого кресла: жизнь почти прожита, никто не посмеет сказать, что он оказался неудачником.

Внук стекольщика, сын капельмейстера полкового оркестра, он поступил в Пражскую консерваторию в двенадцать лет, учился и жил впроголодь - один, совсем еще мальчишка, в чужом городе. Но когда мать приехала его навестить, все время рассказывал ей, как ему тут хорошо. Только на вокзале, во время прощания, не сдержался, отчаянно закричал: *«Мама!»*, до крови закусил губу, чтобы не заплакать, - и тут же натянул на лицо беззаботную улыбку.

Он выжил потому, что в Прагу перевели отцовский полк. Теперь они снова были вместе, больше не надо мыкаться по съемным квартирам. Консерваторию он окончил в числе лучших и тут же устроился скрипачом-концертмейстером в маленький театр Бармен-Эльберфельда.

Тут его позвал в свой полковой оркестр отец, и, не желая платить неустойку за нарушенный контракт, они провернули аферу в лучших традициях оперетты. Папа сделал так, что его призвали в армию, Франц пожелал директору театра полных сборов, здоровья и процветания и отправился к отцу в Вену. Там надел мундир кайзеровско-королевской армии - этот мундир с поправкой на знаки различия, номера полков и обозначающие род войск канты ему пришлось носить четырнадцать лет...

Отец говорил, что твердое жалованье и положение в обществе для мужчины важнее всего. Кайзер всегда накормит своего капельмейстера, хороший скрипач прокормит себя сам, а вот композитор вполне может положить зубы на полку...

Легар был хорошим капельмейстером и отличным скрипачом - за это его и ценили в захолустном, забытом богом и кайзером городке Лошонце, где стоял полк, в который он с повышением перевелся из Вены.

Девять тысяч жителей, семьсот солдат, бордель и офицерское казино, где играл оркестр, в котором он служил капельмейстером, - вот и весь город, скука в нем царилась смертная. Офицеры полка смотрели на горожан свысока, но, в сущности, были несчастными людьми.

В полковники и Генеральный штаб выбьются единицы, остальные так и останутся вечными капитанами и такими же вечными холостяками. Перед тем как жениться, австро-венгерский офицер должен был внести в полковую кассу огромный залог, таких денег у провинциальных служаек не было. Хмельные однополчане размыкивали тоску в офицерском казино, и звездой игорного дома был Легар. Его скрипка то плакала, то пела, хмельные вояки украдкой пускали слезу и велели записать на их счет еще одну бутылку токайского.

Однажды вдребезги пьяный майор потребовал, чтобы господин капельмейстер повторил номер. Франц вспылил, нарвался на грубость и нагрубил в ответ - а на следующий день подал прошение об отставке.

Отец был прав, говоря, что хороший капельмейстер никогда не останется без места. Скоро Легар служил в другом полку, и не в глухом Лошонце, а в прекрасном портовом

городе Пола, ведущем свою историю с незапамятных времен, главной базе австро-венгерского флота.

Неплохо сохранившаяся арена для гладиаторских боев и новомодное электрическое освещение, старая венецианская крепость и великолепные магазины, которые сделали бы честь Парижу, дворцы городской аристократии в итальянском стиле и заброшенный древнеримский храм Августа: Пола был богат и дышал историей.

Вкус славы

Его другом стал итальянец, капитан **Фальцари**. Вместе они написали оперу **«Кукушка»**: Фальцари сочинил либретто из жизни русских каторжников, Легар положил его на музыку. В следующем, 1896 году, ее поставили в Лейпциге, успех оказался сомнительным. На премьере, правда, хлопали, да и пресса была отличной, но вскоре «Кукушка» сошла со сцены. Зато Франц отведал театральной славы и полюбил ее вкус на всю жизнь.

Потом пришло письмо из Будапешта: тяжело заболел отец. Он примчался к нему, нашел старика умирающим и узнал от матери, что в свои последние дни папа изучал партитуру «Кукушки». Сын унаследовал отцовское место, в Будапеште тоже поставили «Кукушку», и он увез домой на трамвае лавровый венок.

Вскоре его перевели в Вену капельмейстером в 26-й пехотный полк, и тут началась совсем другая, настоящая жизнь.

Шикарная легкомысленная Вена живет, не задумываясь о завтрашнем дне. Он дирижирует на балах, карнавалах, катках - и постоянно влюбляется. В его маленькой квартирке на улице Ринг всегда прибрано, денщик, венгр **Иштван**, вышколенный предыдущим хозяином, гусарским ротмистром, то и дело колотившим его сапожной колодкой, старается вовсю.

Иштван знает - если господин капельмейстер велел купить кремовые пирожные и токайское, вечером к ним заглянет молоденькая хохотушка-модистка. А если просил принести рулеты из ветчины и шампанское, то днем появится капризная генеральша, стоны и вскрики будут слышны и в каморке для прислуги.

Эти женщины подарили Легару несколько мгновений счастья, он им - бессмертие: его **«Паулинен-вальс»** и **«Конкордия-вальс»** исполняют до сих пор.

Когда полк Легара перевели в провинцию, он не захотел расставаться с Веной. Подал в отставку, снял красивый мундир, вручил отправившемуся вместе с полком денщику Иштвану пару банкнот и устроился дирижером в театр «Ан дер Вин».

Неизвестно, как сложилась бы его судьба дальше, если бы не худенькая, белокурая и шустрая **Лицци**, дочка знаменитого в ту пору **Виктора Леона**, автора пользовавшихся большим успехом комедий, драм, водевилей, а также либретто.

Лицци увидела Франца в ту пору, когда он еще носил синий с красными кантами мундир. Девушка пришла с подругами на каток, полковой оркестр играл «Паулинен-вальс», а он дирижировал, стоя спиной к медленно поджаривавшей его раскаленной докрасна железной печке.

После этого Лицци узнала о душе-военном все, что только можно, и целыми днями наигрывала на рояле «Кукушку». Она захотела познакомиться с красавчиком капельмейстером и упрашивала отца написать для Легара либретто.

В конце концов она уломала Виктора Леона. Мужчины сработались, и ее отец, в то время бывший главным режиссером «Карлтеатра», взял новую оперетту к себе. Директор театра не верил в успех, отвел на репетиции месяц и полмесяца на спектакли - потом опус Легара под названием **«Решетник»** должна сменить другая оперетта, на которую он возлагал большие надежды. Но она так и не вышла, а «Решетника» «Карлтеатр» сыграл 225 раз! На следующий день после премьеры бывший военный капельмейстер проснулся знаменитым.

Не музыка, а призрак банкротства!

Но настоящая мировая слава пришла только через три года, после того как в «Ан дер Вин» поставили **«Веселую вдову»**. Директора **Карчаг** и **Вальнер**, настроенные весьма скептически, отказали Легару в репетициях и финансировании. На прослушивании один из них заткнул уши и закричал:

- Это ужасно! Не музыка, а призрак банкротства! Такие новшества у нас успеха иметь не могут! Где тут Вена? Поющая, смеющаяся, чувствительная Вена, которую хотят увидеть и услышать наши зрители?

«Веселую вдову» спасли актеры, влюбившиеся в его музыку. Они репетировали после спектаклей по ночам. Костюмы и декорации бутафоры подобрали из театрального старья. В перерывах между репетициями все подкреплялись сосисками, в три часа ночи работа заканчивалась, и оплаченный автором либретто **Леоном** фиакр развозил сочинителя и артистов по домам.

Директора «Ан дер Вин» считали все это несусветной глупостью: им по-прежнему не нравилась музыка, но они были связаны контрактом. В конце концов Легару предложили солидные отступные - пять тысяч крон:

- Возьмите эти деньги, дорогой Франц, и во имя всего святого избавьте нас от Вашего произведения...

И он решил было согласиться, но его переубедила примадонна **Мицци Гюнтер**:

- Не делай этого, Франц! Уж если тебе суждено провалиться, пусть лучше это произойдет перед публикой, чем перед нашими директорами.

После премьеры директора Карчаг и Вальнер вышли на поклонны вместе с автором. Они собирались снять оперетту после пятидесяти спектаклей, но сборы, к их величайшему удивлению, не падали.

Летом театр закрылся, а осенью снова начались аншлаги: венцы заболели «Веселой вдовой», ее смотрели и по два, и по три раза. На шестисотом, юбилейном спектакле авторам и актерам подносили не только лавровые, но и драгоценные, золотые и серебряные венки.

«Веселая вдова» к этому времени шла не только в Австро-Венгрии, но и по всей Европе, в Латинской Америке и США, в Африке, на Цейлоне и в Японии. Франц Легар стал мировой знаменитостью.

К этому времени он увел Софи от добропорядочного и скучного мужа и жил с ней как с женой. Вот только обвенчаться они не могли. Оскорбленный господин Мет твердо решил испортить им жизнь и не давал Софи развода...

Последняя надежда

И тут вспомнилась история, которую ему рассказали дней десять назад. Их с Софи пригласил в гости один издатель. Они приехали к нему за город, в небольшой охотничий замок XVIII века. По парку бродила ручная лань, в гостиной жарко пылал камин, после ужина хозяин предложил мужчинам оставить дам одних.

В малой гостиной за портвейном разговор зашел о том, что творится в Вене после присоединения Австрийской Республики к рейху: все тянут руки и кричат «зиг хайль!», но три четверти венцев делают это из трусости.

Говорили об ужасах последнего времени: арестах, депортациях евреев, о том, что бывший канцлер Австрии **Шушниг** попал в привилегированный концлагерь с очень хорошими условиями и его невеста, графиня **Чернин**, решила отправиться за своим избранником.

Разговор завертелся вокруг того, на какой компромисс может пойти уважающий себя человек. И тут эрцгерцог **Йозеф Фердинанд Сальватор фон Остеррайх Тоскана**

сообщил, что в Вене есть человек, который не идет ни на какие компромиссы, ведет себя как хочет, делает вещи, за которые любого другого убили бы на месте, - но ему все сходит с рук.

- Недавно, - продолжал эрцгерцог Йозеф, - он увидел, как штурмовик повесил на шею старухе еврейке плакат с надписью: «Я - еврейская свинья!», подошел к бедняге, снял плакат и выбросил его.

- А что же штурмовик?

- Выругался и схватил его за руку, а мой приятель в ответ ударил штурмовика в зубы и сбил на землю.

- Сумасшедшего арестовали?

- Нет. Штурмовики проверили его документы, извинились и ушли. До этого он присоединился к еврейкам, которых заставили мыть мостовую зубными щетками, - встал на колени и начал натирать тротуар носовым платком... У него снова проверили документы, а затем штурмовики велели еврейкам уйти.

- Это какой-то важный эмиссар из Берлина?

- Нет, он главный инженер одной из венских киностудий.

Гости засыпали рассказчика вопросами - все хотели узнать, кто этот человек, а эрцгерцог Йозеф наслаждался произведенным эффектом и тянул с ответом. Наконец он сдался: у второго человека в рейхе, фельдмаршала авиации **Германа Геринга**, которого все считают наиболее вероятным преемником фюрера, есть младший брат.

Они очень странная пара. Толстяк Герман - фанатик власти и отчаянный вояка. Кто не знает, что вытворял на своем истребителе лучший воздушный ас Германии в Первую мировую и как он пробивался во власть?

Альберт Геринг настолько на него не похож, что многие находят это странным. Злые языки утверждают, что их мать родила младшего сына от **Германа фон Эпельштайна**, близкого друга семьи. **Франциска Геринг** жила в его замке, когда ее законный муж, крупный колониальный чиновник, служил в Африке.

Альберт - милейший человек, книгочей и бонвиван. Любит быстрые машины, хорошее вино и красивых женщин, за его спиной три развода, и это, наверное, не конец. Во время Первой мировой Альберт был на передовой, получил несколько ранений, но о своих подвигах рассказывать не любит.

У него есть одна особенность: при виде несправедливости, насилия, обиды, которую нанесли слабому, Альберт Геринг тут же выходит из себя. Нацистов он не переносит. Чтобы их не видеть, Геринг-младший уехал из Берлина в Вену и принял австрийское подданство. Но теперь они пришли и сюда...

Кто-то из гостей спросил, каковы отношения между братьями.

- Они не похожи, возможно, у них разные отцы, но при этом Герман и Альберт, людоед и добряк, нежно любят друг друга. К тому, как ведет себя брат, толстый Герман относится спокойно. Говорят, он так ему и сказал:

- Вытаскивай кого хочешь, только меня в свои дела не впутывай.

Когда младший влипает в очередную историю, спасая какого-нибудь бедолагу от гестапо, старший его выручает. Можете представить, каково приходится тем, с кем разбирается Герман Геринг? Неудивительно, что люди в черной форме шарахаются от моего приятеля, как от прокаженного.

Гости дружно расхохотались, а потом притихли, и, несмотря на огонь в камине, каждый почувствовал холодок. О жестокости и коварстве непредсказуемого толстяка Геринга, любителя ярких мундиров и театральных жестов, в Австрии ходили легенды.

Франц открыл записную книжку на имени эрцгерцога Йозефа и набрал его номер.

- Здравствуйте, Ваше высочество! Это Легар. Не могли бы Вы поделиться со мной телефоном одного из Ваших знакомых...

Он слышал, что Альберт Геринг не похож на брата, но такого разительного несходства не ожидал. За столиком кафе «Зеленый попугай» сидел высокий худощавый

мужчина с узким лицом. Грустные карие глаза, высокий лоб - брат второго человека в рейхе походил на университетского профессора.

Геринг-младший предупредил, что брата трудно в чем-то убедить. К тому же Герману сейчас непросто: в партии у него много недоброжелателей. Недавно подлец **Штрайхер**, старый друг Гитлера и главный редактор омерзительной газетенки «Штурмовик», написал, что единственная дочь Германа - «плод искусственного оплодотворения». Прочитав это, брат разрыдался: после авиакатастрофы у него больше не может быть детей. А теперь вся Германия узнала о том, что он...

Альберт Геринг осекся, Легар про себя закончил: «...о том, что рейхсмаршал авиации импотент».

Он подумал, что собеседник чересчур разговорчив и с ним недалеко до беды, но другого спасителя в его распоряжении не было. И тут в кафе вошли два офицера в черной эсэсовской форме, судя по всему, они знали собеседника Легара в лицо. Эсэсовцы, решив поприветствовать младшего брата второго человека в рейхе, рывкнули: «Хайль, герр Геринг!» и вскинули руки.

- *Поцелуйте меня в зад!* - любезно улыбнулся Альберт.

Эсэсовцы побагровели, Легар вжался от ужаса в стул: этот человек и в самом деле ничего не боялся...

На прощание Альберт Геринг сообщил, что поедет в Берлин, к Герману. В их распоряжении всего полтора дня, но он надеется успеть.

Во времена мерзавцев порядочные люди должны держаться вместе!

Следующий день тянулся невыносимо долго. Легар разбирал свой архив и прикидывал, на что они с женой будут жить, когда он откажется разводиться, и нацисты арестуют его счета. Едва ли они решатся сразу отнять у него Софи - скандал выйдет чересчур громким. На него опять начнут давить, припугнут, а потом неизбежное все же произойдет...

Альберт Геринг перезвонил сходящему с ума от беспокойства Легару следующим вечером и сказал, что все устроилось. Он приедет в Вену через два дня и все сообщит подробно. Они встретились в том же кафе. Альберт Геринг заверил Франца: брат очень любит «легариады» и не даст его в обиду.

- *К тому же у него было хорошее настроение - Герману наконец удалось прижать Штрайхера, Гитлер назначил финансовую проверку... Брат при мне звонил Геббельсу, тот сказал, что Легар - национальное достояние и так обходиться с Вами - безумие. Ваша жена станет «почетной арийкой», ей угрожать ничто не будет.*

Но при этом «коротышка» сказал, что Вам придется определиться с тем, как Вы пойдете дальше: рука об руку с новой Германией или сами по себе. От этого очень многое зависит, - добавил Альберт.

Франц кивнул: он не против перемен и сделает для новой Германии все, что ему позволит совесть. Альберт Геринг поморщился:

- *Совесть бывает так эластична, дорогой мэтр. Пришло время мерзавцев. Для того чтобы им противостоять, порядочные люди должны держаться вместе...*

Легар заметил, что слишком стар для того, чтобы свистом останавливать бурю, поблагодарил Альберта Геринга, и они расстались.

В духе времени

Следующие годы они провели по-разному.

Легар жил, приспособляясь к обстоятельствам: принимал от новой власти почести, переделывал в «духе времени» свои оперетты и радовался тому, что его больше не трогают.

Зато Альберт Геринг вел себя так, будто ему хотелось на виселицу: на торжественных обедах публично отказывался садиться рядом с заслуженными нацистами, заявляя, что убийцы ему противны.

Еще до начала Второй мировой войны он начал спасать тех, кому угрожал концлагерь, с его помощью из Австрии бежали десятки человек, в том числе и познакомивший Геринга с Легаром эрцгерцог Йозеф. Он так раздражал гестапо, что Гиммлер попросил рейхсмаршала авиации унять своего младшего брата.

Альберт Геринг был толковым инженером, и Герман отправил его в оккупированную Чехию, на заводы Skoda. Но там Альберт нанес рейху еще больший вред. Он присоединился к Сопротивлению, отбирал для работы на заводах в концлагерях заключенных и помогал им бежать. Счет спасенных Герингом-младшим людей шел на сотни...

После войны Легар и Софи уехали в Швейцарию, а Альберт Геринг был арестован американцами: никто не верил, что родной брат изувера Геринга - достойный человек и по мере сил боролся с нацистами. Он сидел в тюрьме, представленный им список спасенных пылился в архиве - проверить его не сочли нужным. Потом в дело вмешался американский офицер **Виктор Паркер**, племянник Софи Легар. Он тщетно пытался убедить начальство, что Альберт Геринг говорит правду.

Позже заключенного передали Чехословакии - если он работал на заводах Skoda, то за ним наверняка что-нибудь да есть, вот пусть чехи и разбираются... К этому времени в Чехословакии наконец объявились те, кого он вытащил из концлагерей, и Альберта освободили.

Умер спаситель Софи Легар одиноким и разочарованным: спасенные о нем забыли.

Вина

До поры до времени не вспоминал об Альберте Геринге и Легар.

Во время боев за Вену замок Нусдорф был разгромлен и разграблен. У композитора оставались другие дома и вилла в Бад-Ишле, но Легар решил уехать к Тауберу в нейтральную, не задетую войной Швейцарию. Он жил там два года, до тех пор, пока в 1947 году не умерла жена - семь лет нацистского кошмара не прошли бесследно.

В Вену в свой дом в Бад-Ишле Легар вернулся умирать. И за последний в его жизни год, во время которого он скрупулезно приводил в порядок дела, ему не раз вспоминался страшный 1938-й, когда нацисты хотели отобрать у него Софи. Если бы это случилось, все кончилось бы гораздо раньше - он умер бы вместе с ней... (*Прим.: Легар пережил жену на год и умер в 78 лет*).

Беда в том, что ему не удалось сделать ничего доброго для того, кто их спас! Хуже того - он об этом даже не подумал...

В день похорон Легара по всей Австрии были вывешены траурные флаги. Над могилой прозвучала *«Волжская песня»* из оперетты *«Царевич»*.

Свой дом в Бад-Ишле Легар завещал городу; там сейчас находится музей Франца Легара.

Литература:

1. **Владимирская А. Р.** Звёздные часы оперетты. - Л.: Искусство, 1975. - 136 с.
2. **Владимирская А. Р.** Франц Легар . - 2-е изд., испр. - М.: Лань. Планета музыки, 2009. - 224 с.
3. **Макдермотт А.** Франц Легар: В плену отчаяния/Алекс Макдермотт//Караван историй.- 2013.- №1
4. **Трауберг Л.** Жак Оффенбах и другие. Глава 11: Легар. - М.: Искусство, 1987. - 320 с.
5. **Ярон Г. М.** О любимом жанре. - М.: Искусство, 1960. - 255 с.